

вольны?» — спрашивает он (86). Как видим, осуждая практику продажи крепостных, Сумароков сомневается в то же время в том, что вольность крестьян послужит на пользу дворянству. Таковая лишит помещиков их преимуществ в использовании труда слуг. Дворянского идеолога серьезно волнует угроза комфортному существованию благородного сословия.

Надо отметить, что далеко не все в содержании «Наказа» вызвало неприятие со стороны Сумарокова. В отношении некоторых глав он по существу лишь подтверждает и усиливает точку зрения Екатерины II. Другие просто оставляет без возражений, как например главу X «О обряде криминального суда», а в отдельных случаях, например по поводу 342-й статьи XIII главы «О рукоделии и торговле», где высказывались протекционистские идеи в отношении чеканки денег и защиты курса отечественной валюты, Сумароков выражает нескрываемое восхищение: «Проба золота, серебра и пр. и о постоянных монетах статья божественная, а инако вред народу и самой короне» (86). На это Екатерина снисходительно отреагировала на полях: «Если только похвальное нашел, то всю грамату сжечь можно» (Там же).

В главном точки зрения Сумарокова и коронованного автора «Наказа» не могли не совпадать. И тот и другой стояли на позициях государственности: «...сохранение в целости Государства есть самый высочайший закон»,²⁵ — заявлялось в «Генерал-прокурорском наказе», определявшем, чем руководствоваться депутатам в разработке законов. И тот и другой исходили из признания благодетельности единственно возможной в условиях России такой формы политической власти, как самодержавная монархия. Об этом говорилось и в «Генерал-прокурорском наказе», и в основной части документа. Сумароков вряд ли мог что-либо возразить против основополагающих статей II главы «Наказа», гласивших:

«9. Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть не может действовать сходно со пространством столь великого государства.

11. Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и в конец разорительно.

12. Другая причина та, что лучше повиноваться законам под одним господином, нежели угождать многим.

13. Какой предлог самодержавного правления? Не тот, чтоб у людей отнять естественную их вольность: но чтобы действия их направить к получению самого большого ото всех добра».²⁶

Претензии Сумарокова к «Наказу» состояли в другом. Они проистекали из неприятия им игры Екатерины II в неуместный, с его точки зрения, в таком документе либерализм, выливавшийся порой

²⁵ Наказ... С. 107.

²⁶ Там же. С. 113—114.